

ЛУЧШИЙ ЖУРНАЛИСТ МЕСЯЦА август 2016

**ЖУКОВСКИЕ
НОВОСТИ**

Издаётся с 1931 года

Газета Жуковского района Брянской области

Олег Михеев начал публиковаться в районной газете в качестве внештатного корреспондента двадцать лет назад. Спустя пять лет судьба привела его на работу в редакцию.

Десять лет назад он стал главным редактором жуковской районки. Редакторская работа не должна вытеснять журналистское начало. Публикаций О.В. Михеева читатели ждут, как хороших друзей. Одна из них посвящена замечательному доктору, человеку яркому и разностороннему - Вячеславу Берзину. Коллектив редакции

Вячеслав Берзин: «Профессия на первом месте!»

Однажды довелось стать свидетелем занятного эпизода. Четверо мужиков сидели за столом кафе. Красное сухое вино, фрукты и шоколад скрашивали досуг. После очередного сдвижения бокалов высокий седоусый товарищ, побаловавшись лимончиком, обратился к одному из собеседников: «- Как палец твой? Ну-ка согни. Хорошо, я и не ожидал такого результата. Мог бы вообще не восставиться». «Врач, наверно», - подумал я. Разговор продолжился: «А твоя как рука? Я кисть тогда, как мозаику собирал. Мизинец не гнётся? Но ведь вообще ампутировать хотели...» Второй собеседник благодарно улыбнулся и наполнил бокал. Закусив, доктор вздохнул, глядя на третьего «пациента»: «А ты вообще мог не выжить... Так и говорили все: не жилец».

- Есть у Булгакова изумительная книжка «Записки молодого врача». Судя по книжке, молодой доктор только и занимается тем, что оперирует, да штудирует специальную литературу. В итоге, чуть не становится морфинистом. Возникает вопрос: что стоит душу травматолога Берзина, помимо профессии?

-Нет, замыкаться нельзя! Жизнь должна быть насыщена не только работой. У меня был момент, когда я день и ночь был заряжен медицинскими идеями. Это случилось после того, как я приехал с курсов профессора Илизарова. Мог среди ночи проснуться и начать чертить схему наложения аппарата Илизарова очередному пациенту. Но так бесконечно продолжать не получится. Можно просто свихнуться.

Для меня отдохновением всегда была музыка. Музыкальной школы я не заканчивал. Первым учителем был отец. Он, в своё время, играл на баяне в военном оркестре. Умения передал мне. В 67-ом году я сам научился играть на гитаре. Уже через два месяца собрал ансамбль. Составы менялись, а суть оставалась.

С тех пор я по-особому слушаю музыку: выделяю партии отдельных инструментов и радуюсь, обнаружив интересную музыкальную тему. Отец с матерью слушали музыку тридцатых, сороковых. К новым веяниям относились неприязненно. Я думал: «Неужели в их возрасте я также буду относиться к современной музыке». Слава Богу, не сбылось!

В современной музыке я нахожу много хорошего. С дочкой у нас вкусы часто пересекаются. Она у меня поёт, выступает. И репертуар её меня устраивает. Единственно, к рэпу я довольно холодно отношусь, да и то не ко всему и не всегда.

-А что играли ансамбли в 67-ом?

- Да вот советской музыки подходящей не было. Начали с Битлз.

-А самая первая песня?

-Попытаюсь вспомнить...

-«She loves you»?

-Точно! Так и есть! И ещё «I want to hold your hand». В семидесятых появился какой-то репертуар для ВИА на русском. Что-то мы пытались переводить. Сами писали песни. Но всё равно основа была западная. Бывало, выступаем на фестивале. Играем лучше всех. Гран-при отдают другим. Почему? Иностранщину играет! Или в футболках на сцену вышли, а надо было при костюмах и при галстуках. А в жюри сидел «чёрный полковник» с кафедры военно-морского флота...

-Ага! Поподробнее, пожалуйста, если это не военная тайна...

-Нет, не тайна. В нашем Смоленском медицинском институте была военно-морская кафедра. Фактически она готовила врачей – офицеров ВМФ. После пятого курса ехали на практику. В учебке, в которую я попал, были водолазные курсы. У меня даже есть «корочка» водолаза. В ней написано, что я провёл 12 часов 43 минуты под водой. Мне разрешено погружение на глубину до 20 метров. Жаль, что с тех пор под воду вернуться не довелось. Это была замечательная школа.

-Вернёмся немного назад. В разговоре проскочило что-то о курсах Илизарова. Имеется в виду тот самый знаменитый профессор?

-Да, это он. У него уже был свой институт. Двенадцать операционных на этаже! Я такого никогда не видел. Мы

не оперировали. Только смотрели. Несколько лекций читал сам Илизаров. Он как лектор был никакой. Так, бубнил себе что-то потихонечку. Но у него был микрофон. Все примеры показывались на огромных слайдах. Получалось очень наглядно. Эти курсы многое дали. Постепенно использование аппарата Илизарова стало обыденным. Я их наложил сотни за свою практику.

-Понятно. Давайте сделаем резкий поворот в разговоре. Вот передо мной книжка. На обложке читаю: В. Берзин, «Бесконечность». Открываю почти наугад. Читаю: «Усы седые, нос пикантный и ироничная душа»... Это фрагмент автопортрета из Вашей книги. Стихи, как я понимаю, Вас «догнали» уже в зрелом возрасте?

-Я ещё в школе пробовал писать. Как все. Не получилось. Песни писались на чужие стихи. А стихи пришли, когда появилось свободное время. А оно появилось, увы, только тогда, когда пришлось лежать в стационаре в Брянске.

Всё это было полушутливо, иронично и от нечего делать. Но в памяти осталось.

Потом судьба привела меня в Жуковское литературное объединение «Стожары».

Там я многому научился. Заметил, что многие участники ЛИТО готовят к изданию свои книги. Я тоже стал готовить. Долго над этим сборником работал. И вот свершилось: забрал тираж в типографии. А дальше пришло опустошение. Цель достигнута. Не писалось долго. А потом я понемногу пришёл к прозе.

Теперь езжу в Брянскую писательскую организацию и на семинары поэзии, и на семинары прозы.

Писателем себя не мню, но процесс увлекает! В прошлом году вышел мой первый сборник рассказов «Новеллы дождя».

-В России, как известно, поэт больше, чем поэт, а писатель больше, чем писатель...

-Нет, нет! Это не про меня!

-...И всё же. Назовите три вещи, которые вы не любите в сегодняшней нашей жизни, и три вещи, которые Вам нравятся?

-Надо подумать... Не нравится жуткая коррупция. Не нравится человеческая неблагодарность. Объясню. Работу свою я люблю. Хоть она трудная. Но я до сих пор не могу привыкнуть к тому, что человек, которого сюда привезли изломанного, уходит на своих ногах и забывает сказать спасибо. Даже есть такие, которые убегают через чёрный ход. Медсёстры говорят: «Как заяц побежал». Как будто я с него что-то требую... Скажи «спасибо». Больше ничего не нужно. Не люблю опустившихся людей. Человек хозяин своего будущего и настоящего. Нужно иметь волю и отвечать за себя. Иначе человек перестаёт быть человеком.

Что нравится? Моя профессия! Это номер один! Нравится ехать на машине ночью в дождь. И чтобы печка грела, горела панельная доска и тихо играла музыка.

Осталось третье? Несмотря на все трудности, я люблю свою страну и ни на что её не променяю.

-Могу засвидетельствовать, что в Ваших устах последняя фраза не звучит как пустой пафос. Спасибо за разговор. Надеюсь, будет ещё возможность зайти к Вам просто поговорить, а не с поломанной конечностью.

- Ну, с переломом я Вас тоже не прогоню...

Олег Михеев

-Да не может быть, не помню я такого! – говорит Вячеслав Берзин.

Мы сидим с ним в ординаторской. Прежде чем начать разговор с доктором, я припомнил ему этот разговор, случайно подслушанный в какой-то кафешке много лет назад. Белый халат, хирургическая «роба»... Разговор в любую минуту может прерваться. Поступит пациент, и доктору будет уже не до меня. Он травматолог. А пациенты травматолога подождать не могут. Не откладывая в долгий ящик, начинаем беседу.

-Мне знакомы чувства учителя, первый раз входящего в класс. Можно представить, что чувствует лётчик, впервые садясь за штурвал. Но вот что ощущает хирург перед тем, как впервые резануть живую плоть, представить трудно.

- Можно, я начну с анекдота? Старый хирург говорит молодому: «Юноша, когда будешь делать первый разрез, не нажимай сильно на скальпель, а то порежешь казённый стол». Первую операцию я делал на четвёртом курсе. Удалял какую-то шишку. Было страшно. Руки дрожали. Страшно было ошибиться. Помню, как ассистировал в первый раз на операции. После четвёртого курса приехал на практику в Великие Луки. Я ассистировал удаление аппендикса. Операцию делала интерн-женщина. Она работала первый год после института. У неё не всё получалось, а тут ещё я – безрукий. Она меня била по рукам и кричала: «Никогда ты не будешь хирургом». Травматологией я серьёзно увлёкся на пятом курсе.

- А чем вообще травматолог отличается от хирурга? Я, по-дилетантски, разницы не вижу: и те, и те оперируют...

- Я объясню. Травматология – это подразделение хирургии, занимающееся восстановлением опорно-двигательного аппарата: руки, ноги, кости, связки, суставы – вот наш предмет. А хирурги, в традиционном смысле, занимаются внутренними органами. Подходы и тактики принципиально разные. Так что это две разные профессии. Чтобы стать нормальным травматологом, надо лет пять практиковаться под руководством опытного спеца. И потом всё равно учиться каждый день. Я до сих пор учусь, хоть и работаю травматологом с 80-го года. А общий стаж у меня сорок один год.